II 283/109

4081
И 283/109

ОТНОШЕНІЯ

ИМПЕРАТОРОВЪ

АЛЕКСАНДРА I и НАПОЛЕОНА I

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

(1810 — 1812 гг.)

Читано во второмъ Военномъ Константиновскомъ Училищѣ, въ память празднованія столѣтняго юбилея Императора Александра I, 12 декабря 1877 г.

Д. И. Ефимовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.)
1878.

И 283/109

ОТНОШЕНІЯ

ИМПЕРАТОРОВЪ

АЛЕКСАНДРА I и НАПОЛЕОНА I

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

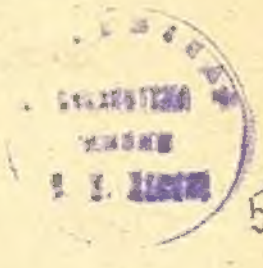
(1810 — 1812 гг.)

Читано во второмъ Военномъ Константиновскомъ Училищѣ, въ память празднованія столѣтняго юбилея Императора Александра I, 12 декабря 1877 г.

Д. И. Ефимовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.)
1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Января 1878 года.



59167-44

Отношенія Императоровъ Александра I и Наполеона I предъ началомъ отечественной войны 1812 года [1]).

(1810 — 1812 г.)

Милостивые Государи и Государыни!

Въ исторіи многознаменательнаго царствованія Имп. Александра I, столѣтній юбилей котораго съ торжестомъ празднуетъ вся Россія, были такіе моменты, которые одинаково должны быть дороги, священны для сердца какъ русскаго, такъ и европейца вообще. Мы разумѣемъ заключеніе тильзитскаго мира въ 1807 году и затѣмъ послѣдующіе годы вплоть до 1814 года, когда Имп. Александромъ I въ столицѣ Франціи былъ подписанъ трактатъ, столь унизившій династію Бонапартовъ въ глазахъ цѣлой Европы. Это время царствованія Имп. Александра Павловича, священное для всей Европы, съ особенною радостію, съ пат-

---

[1]) На основаніи донесеній полковника А. И. Чернышева, кн. А. Б. Куракина, русскаго посла въ Парижѣ, гр. П. А. Шувалова и барона П. К. Сухтелена, русскаго посланника при Стокгольмскомъ дворѣ, вновь изданныхъ Имп. Русск. Истор. Обществомъ, подъ редакціею покойнаго члена Общества А. Н. Попова.

ріотическимъ энтузіазмомъ должно быть вспоминаемо Пруссіею и Польшею. Вѣдь, незаключи Имп. Александръ I тильзитскаго мира съ Наполеономъ, — Пруссія теперь не существовала бы на картѣ европейскихъ государствъ; Наполеонъ разорвалъ бы ее по клочкамъ. Равнымъ образомъ и герцогство Варшавское никогда, можетъ быть, не получило бы тѣхъ привилегій, которыя даровалъ ему вѣнскій конгрессъ, благодаря настояніямъ Имп. Александра I. Для Россіи же тильзитскій миръ имѣлъ другое значеніе. Съ момента заключенія тильзитскаго мира начинаетъ проясняться предъ всею Европою хитрая и ловкая политика Наполеона въ отношеніи Россіи. Какъ не старался Напелеонъ казаться въ ней искреннимъ и прямодушнымъ, все же неудалось ему обмануть Имп. Александра I. «Раздѣлимъ міръ», говорилъ Наполеонъ Имп. Александру Павловичу, подписывая въ 1807 г. мирный трактатъ въ Тильзитѣ, въ палаткѣ на Нѣманскомъ мосту. Два сильные императоры подали другъ-другу руку. Всѣ радовались этому мирному заявленію взаимной дружбы и согласія. Большинство было увѣрено, что тильзитскій трактатъ не только миръ, но и союзъ двухъ великихъ Императоровъ.

Князь А. Б. Куракинъ, вполнѣ вѣрившій искренности миролюбивыхъ заявленій Наполеона, писалъ Имп. Маріи Ѳеодоровнѣ: «Русскій Богъ не перестаетъ бодрствовать надъ нами и распространять на насъ свои благословенія! Россія выходитъ изъ этой войны со славою и счастіемъ неожиданнымъ; у нея заискиваетъ враждебная держава, имѣющая рѣшительный перевѣсъ силъ на своей сторонѣ и побѣдившая насъ». Но при всеобщемъ восторгѣ, Имп. Александръ I призадумался и предугадывалъ истинное значеніе тильзитскаго мира для Франціи и Россіи; онъ понялъ, что тильзитскій миръ для Наполеона былъ только перемиріемъ; въ словахъ Наполеона «раздѣлимъ міръ» онъ увидѣлъ только одно искушеніе, хитрую уловку геніальнаго полководца.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какое могло быть дѣленіе міра? какое должно было лечь основаніе для этого дѣлежа? Одно только: для Франціи — Западъ, для Россіи — Востокъ; Франціи оставалось

овладѣть Испаніей съ Португаліей, а Россіи доставался Балканскій полуостровъ. Но дѣло въ томъ, что Наполеонъ не могъ допустить такого равнаго и естественнаго дѣлежа, ибо съ Балканскимъ полуостровомъ въ тѣсной связи стоялъ и Константинополь, столь желанный для Наполеона, овладѣніе которымъ было конечною цѣлью завоевательныхъ стремленій Наполеона. Неравный же дѣлежъ въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ борьбѣ.

Стало быть, союзъ между Россіей и Франціей, обосновывавшійся на тильзитскомъ трактатѣ 1807 года, не могъ состояться. Фальшивость этого союза между Россіей и Франціей была хорошо понята обоими государями, и каждый изъ нихъ рѣшился своеобразно воспользоваться этимъ quasi искреннимъ союзомъ. Наполеону нуженъ былъ этотъ союзъ съ Россіей, чтобы безпрепятственно осуществить свои планы на западѣ; Имп. Алесандру I этотъ союзъ былъ кстати, чтобы имѣть свободныя руки по своимъ исконнымъ вопросамъ: польскому и восточному. Конечно, Имп. Александръ Павловичъ предвидѣлъ, что вопросы эти не разрѣшатся безъ вмѣшательства Наполеона, а потому зорко слѣдилъ за дѣйствіями французскаго императора.

Такимъ образомъ выгода этого союза была обоюдная: Наполеонъ заставлялъ Россію не мѣшать его замысламъ на западѣ, а Имп. Александръ I останавливалъ враждебные для Россіи замыслы Наполеона.

Отношенія двухъ императоровъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, такъ какъ Имп. Александръ I не могъ допустить союза съ Наполеономъ, ибо пришлось бы всегда воевать, потому что Наполеонъ безпрестанно воюетъ. Такой союзъ былъ вовсе не въ характерѣ Имп. Александра I, всегда желавшаго европейскаго мира и священнаго союза государей.

Естественно, что оба государя не могли придти къ мирнымъ соглашеніямъ. Правда, государи переписывались между собою, выражали чувства личной дружбы одинъ къ другому, и въ то же время не вѣрили политикѣ государствъ.

И вотъ въ 1810 году и началѣ 1811 года начинаетъ разоблачаться яснѣе и яснѣе двуличность политики Наполеона въ отношеніи Россіи. Вотъ что писалъ въ началѣ 1811 года Имп. Александру I нашъ посолъ въ Парижѣ, кн. А. Б. Куракинъ: «Слухи о войнѣ Франціи съ Россіей распространены во Франціи и Германіи; впрочемъ, можно сказать, что они не прекращались со времени женитьбы Наполеона[1])». Наполеонъ, развившись съ своей первой женой Жозефиной, просилъ у Имп. Александра I руки великой княжны Анны Павловны, съ цѣлію заявленія своей дружбы въ отношеніи Россіи, но получилъ отказъ, такъ какъ Имп. Марія Ѳеодоровна предпочитала Наполеону вдовствующаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III. Недовольный такимъ отказомъ, Наполеонъ на аудіенціи въ Фонтенбло откровенно заявляетъ полковнику А. И. Чернышеву: «что его интересы, его политика, все заставляло его желать продолженія мира съ Россіей, что онъ прежде всего обратился къ Имп. Александру I, желая вступить въ бракъ съ великой княжной, что Ея Величество, Императрица, воспротивившись, оставила герцога Виченскаго[2]) втеченіе десяти дней безъ отвѣта, и, наконецъ, видя, что это долго тянулось, онъ перешолъ на сторону Австріи, незная навѣрно, рѣшился ли бы Императоръ, какъ монархъ, поговорить съ матерью, а между тѣмъ онъ нашелъ ловкаго человѣка въ князѣ Шварценбергѣ, который взялся окончить дѣло въ нѣсколько часовъ[3])». Дѣйствительно, кн. Шварценбергъ, австрійскій посолъ въ Парижѣ, устроилъ женитьбу Наполеона на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ. Австрія думала видѣть съ этой поры въ Наполеонѣ своего задушевнаго союзника, но горько ошиблась. Кн. А. Б. Куракинъ, совѣтуя Имп. Александру I войти въ переговоры съ вѣнскимъ кабинетомъ если не о союзѣ съ Австріей,

---

[1]) См. Сношенія Россіи съ Европ. державами. А. Н. Попова, 1876 г. стр. 1 и слѣд.

[2]) Коленкуръ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, въ 1810 г.

[3]) Депеша А. И. Чернышева изъ Парижа отъ $^{9}/_{21}$ октября, 1810 г.

то покрайней мѣрѣ о ея нейтралитетѣ въ войну Россіи съ Наполеономъ, замѣчаетъ: «Бракъ эрцгерцогини Луизы не доставитъ Австріи никакихъ существенныхъ выгодъ со стороны Франціи. Имп. Наполеонъ не щадитъ никого и при исполненіи своихъ замысловъ не стѣсняется узами родства, чему служитъ доказательствомъ судьба его братьевъ: Людовика и Люціана[1])».

Между тѣмъ въ декабрѣ 1810 года Имп. Александръ I снова отправилъ въ Парижъ молодого полковника А. И. Чернышева[2]) съ письмомъ къ Наполеону, въ которомъ изъявлялъ согласіе поддержать дружбу и союзъ съ Франціей. Наполеонъ въ свою очередь выразилъ не только миролюбивое настроеніе въ отношеніи Россіи, но даже и заботу о ея благосостояніи. Но Чернышевъ, однако, сомнѣвался въ искренности миролюбивыхъ заявленій Наполеона и доносилъ Имп. Александру I, что присоединеніе Ганзейскихъ городовъ къ Франціи, конскрипція за 1811 годъ, а также увеличеніе войска въ названныхъ городахъ, — что все это говоритъ о военныхъ приготовленіяхъ Наполеона, и всѣ его мирные заявленія слѣдуетъ считать прикрытымъ обманомъ. «Осмѣливаюсь сказать Вашему Величеству, писалъ Чернышевъ Имп. Александру I, что, не смотря на то, что рѣчи Имп. Наполеона исполнены миролюбія, всѣ его дѣйствія совершенно не согласны съ ними[3])».

Миролюбивыя рѣчи Наполеона не обманули молодого русскаго офицера. Чернышевъ понялъ замыслы Наполеона и съ увѣренностью говорилъ Имп. Александру I, что Наполеонъ задумалъ господствовать не только надъ всѣми берегами Средиземнаго моря, но и надъ берегами Балтійскаго моря, что онъ даже задумалъ присоединить Вестфальское королевство къ Франціи, а Константинополь сдѣлать столицею будущей своей всемірной имперіи.

---

[1]) Депеша кн. А. Б. Куракина изъ Парижа отъ $^{6}/_{18}$ февраля, 1811 г.

[2]) А. И. Чернышевъ, полковникъ, флигель-адъютантъ Имп. Александра I, впослѣдствіи графъ, князь, военный министръ, предсѣдатель Госуд. Совѣта, ум. въ 1857 году.

[3]) Депеша А. И. Чернышева изъ Парижа отъ $^{9}/_{21}$ апрѣля, 1811 г.

Къ тому же и въ парижскомъ обществѣ стало обнаруживаться въ это время враждебное настроеніе въ отношеніи Россіи. Въ спектакляхъ пѣлись непристойные куплеты, направленные противъ Россіи, равно и печатались статьи такого же характера въ разныхъ журналахъ. Все это говорило въ не пользу миролюбивыхъ заявленій Наполеона въ отношеніи Россіи.

Правда, употреблялись репрессивныя мѣры къ прекращенію такихъ непристойныхъ выходокъ французовъ. Эсменаръ, полицейскій чиновникъ, написавшій пасквиль, лично оскорбительный для Чернышева, былъ исключенъ за это изъ службы. Все это, конечно, не имѣло бы никакого значенія, если бы Наполеонъ былъ вѣренъ своимъ мирнымъ заявленіямъ. Но неискренность его рѣчей была очевидна для каждаго и не могла никого обмануть. Взгляните на его разсужденія съ Чернышевымъ о русско-турецкой войнѣ 1810 года и вы увидите въ нихъ, на первый разъ, искренняго благожелателя Россіи. Наполеонъ завѣрялъ Чернышева, что онъ никакихъ тайныхъ сношеній съ Турціей не имѣетъ, что онъ напротивъ, всегда стоялъ за желательный для насъ миръ съ турками, а не за продолженіе войны, такъ какъ онъ не видитъ ущерба для своей имперіи въ пріобрѣтеніи нами Финляндіи и дунайскихъ княжествъ: Молдавіи и Валахіи. «Это ваше дѣло, говорилъ Наполеонъ Чернышеву, а не мое, моя вода не простирается до тѣхъ поръ, и это австрійскій вопросъ, а не французскій».

Все это было ложь, осязательный обманъ, прикрываемый только мирными завѣреніями — изъ за личнаго расчета и выгоды.

Миролюбивыя заявленія Наполеона высказывались только изъ опасенія заключенія нами поспѣшнаго мира съ турками. Малѣйшая наша неудача на Дунаѣ приводила Наполеона въ восторгъ. Счастливыя же событія, совершившіяся на Дунаѣ, обнаруживали дѣйствительныя чувства Наполеона въ отношеніи насъ. «Узнавъ о нихъ, говоритъ Чернышевъ, онъ такъ мало умѣлъ владѣть собой, что не могъ скрыть неудовольствія, которое ему

причинялъ благопріятный оборотъ нашихъ дѣлъ, и страха, чтобы мы въ непродолжительномъ времени не заключили мира, не согласнаго съ его политикой и выгодами». Говоря о нашей побѣдѣ подъ Рущукомъ съ двумя высокопоставленными лицами, Наполеонъ въ запальчивости замѣтилъ имъ: «поймите этихъ собакъ, этихъ негодяевъ турокъ, которые имѣютъ способность дать себя разбить такимъ образомъ. Кто могъ это предупредить и предвидѣть»?

А когда кн. А. Б. Куракинъ заговорилъ Наполеону о храбрости русскихъ войскъ и побѣдѣ нашей при Рущукѣ, Наполеонъ прервалъ его словами: «да, да, — ваши солдаты храбры, это безъ труда мы, французы, можемъ признать», и затѣмъ, обвиняя нашихъ генераловъ въ незнаніи тактики, продолжалъ: «Вы говорите, что побѣдили при Рущукѣ, а Турки говорятъ, что побѣдили они»[1]). Наполеонъ даже посылалъ въ Константинополь нарочныхъ курьеровъ убѣдить турокъ продолжать войну, и во что бы не стало, помѣшать заключенію мира съ нами. Война наша съ турками нужна была Наполеону для того, чтобы Россія, отвлекаемая войною съ Турціей, не мѣшала дѣйствіямъ Наполеона въ Испаніи, гдѣ его арміи терпѣли пораженія.

Наполеонъ хотѣлъ одновременно посылать вспомогательные корпусы въ Испанію и выиграть время для организаціи арміи противъ Россіи. Однако онъ увидѣлъ свое затруднительное положеніе и, думая въ скоромъ времени начать войну съ Россіей, рѣшился очистить Испанію до рѣки Эбро.

Чернышевъ, донося русскому кабинету о военныхъ приготовленіяхъ Наполеона, сообщаетъ намъ перечень боевыхъ французскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Испаніи къ 1-му января 1812 года[2]):

---

[1]) Депеша кн. А. Б. Куракина гр. Румянцову изъ Парижа отъ $^{3}/_{15}$ августа 1811 г., приведена въ вышеозначен. соч. А. И. Попова, стр. 83 — 84. Подобный же разсказъ находится и у Тьера, въ его Histoire de l'empire, кн. XXIII.

[2]) Депеша Чернышева изъ Парижа отъ 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.)

Офицеровъ и штабъ.....	1,140 чел.
Всѣ войска, состоящія подъ оружіемъ	
вмѣстѣ съ офицерами.....	261,931 чел.
лошадей.....	41,178.
Въ отдѣльныхъ отрядахъ.....	38,351 чел.
лошадей.....	10,821.
Въ госпиталяхъ.....	52,708 чел.
Въ отпуску.....	235 чел.
Итого...	353,225 чел.
	51,999 лошад.

Въ этомъ же числѣ полагается и армія маршала Мармона, состоящая изъ 74 баталіоновъ и 34 эскадроновъ:

Находящихся подъ оружіемъ.....	37,595 чел.
лошадей.....	6,080.
Въ отрядахъ.....	10,284 чел.
лошадей.....	7,479.
Въ госпиталяхъ.....	12,011 чел.
Итого...	59,890 чел.
	10,859 лошад.

Эти войска должны были стоять во Франціи до поры, до времени. Наполеонъ вызвалъ изъ Испаніи и лучшихъ своихъ полководцевъ, назначивъ начальниками корпусовъ, предназначавшихся противъ Россіи.

Извѣстія о томъ, что англичане мѣшаютъ военнымъ операціямъ французовъ въ Испаніи, приводили Наполеона въ бѣшенство.

Англія помогала раззоренной Португаліи деньгами и войскомъ. Англійскіе полководцы своими успѣшными дѣйствіями совершенно парализируютъ военныя операціи французовъ въ Испаніи. Лордъ Веллингтонъ быстро преслѣдуетъ отступающихъ французовъ въ Испаніи; такого храбраго и энергичнаго маршала, какъ Массену, онъ преслѣдуетъ и заставляетъ его армію быстро

отступать. Маршалъ Викторъ Перенъ, командиръ перваго корпуса въ Испаніи, терпитъ страшную неудачу при осадѣ Кадикса. Отступленіе португальской арміи обошлось очень дорого: изъ 68,000 осталось не болѣе 30,000, и то въ полномъ разстройствѣ, потерявъ всѣ обозы и почти всю артиллерію, ибо для скорѣйшаго движенія вынуждены были взрывать заряды большихъ орудій и зарывать ихъ въ землю. Къ тому же энергичныя дѣйствія испанскихъ инсургентовъ: гверильясовъ и квадрильясовъ, подъ начальствомъ Мины, поддерживались англійскими войсками. Можно себѣ представить всю злобу и ненависть Наполеона въ отношеніи англійской націи.

А тутъ еще, какъ на бѣду, мѣры Наполеона, направленныя къ убійству англійской торговли на сѣверѣ, не нашли себѣ сочувствія въ Имп. Александрѣ, который не согласился на предложенія Наполеона о запрещеніи нейтральной торговли, и отвѣчалъ ему рѣшительнымъ отказомъ. Вновь вышедшее «Положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ»[1]) убило въ Наполеонѣ всѣ надежды достигнуть мирныхъ соглашеній съ Имп. Александромъ I по вопросу о нейтральной торговлѣ.

Чернышевъ въ своихъ депешахъ канцлеру, гр. Н. П. Румянцову, сообщаетъ, что нашъ новый торговый тарифъ произвелъ на Наполеона потрясающее впечатлѣніе.

Въ коммерческомъ совѣтѣ Наполеонъ уже публично заявлялъ, что нашъ новый тарифъ очевидно направленъ въ пользу Англіи и ко вреду Франціи. Съ этой поры въ Парижѣ стали ходить слухи о союзѣ Россіи съ Англіей, а Наполеонъ открыто говорилъ, что если случится война съ Россіей, то виновникомъ этой войны будетъ петербургскій дворъ.

Наполеонъ уже не могъ скрывать свое враждебное отношеніе къ Россіи. На одномъ изъ дипломатическихъ сеансовъ, на

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1810 г. декабря 19-го, № 24,464.

которомъ было много поляковъ, Наполеонъ даже своимъ впѣшнимъ поведеніемъ хотѣлъ оскорбить Чернышева, желая тѣмъ выразить ему свое неудовольствіе на нашъ новый тарифъ. «Въ продолженіе аудіенціи, говоритъ Чернышевъ, Имп. Наполеонъ два раза прошелъ мимо меня, не говоря со мною ни одного слова и даже поклонился не безъ нѣкотораго колебанія». Возвратившись же въ свои внутреннія покои съ Бертье, кн. Невшательскимъ, Наполеонъ замѣтилъ послѣднему: «Чернышевъ высунулся впередъ для того, чтобы я имѣлъ честь говорить съ нимъ; но я не счелъ нужнымъ это дѣлать и вмѣсто Россіи много говорилъ съ Польшею сегодня»[1]).

Между тѣмъ, Наполеонъ, рѣшивъ преслѣдовать англійскую торговлю, какъ въ видѣ контрабанды, такъ и въ видѣ нейтральной торговли, захватилъ ганзейскіе города и герцогство Ольденбургское, съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить русскаго Государя и его кабинетъ. Если Наполеонъ позволилъ себѣ такъ поступить съ Имп. Александромъ I, то конечно нельзя и думать, что бы онъ могъ приличнѣе поступить съ своей жертвой, герцогомъ Ольденбургскимъ.

Герцогъ Ольденбургскій, Петръ Фридрихъ Вильгельмъ, былъ съ позоромъ выгнанъ изъ своихъ владѣній въ Россію. Вспомните при этомъ, что герцогъ былъ дядя Имп. Александра I и обладаніе его герцогствомъ было признано тильзитскимъ трактатомъ, легшимъ въ основу союза двухъ Императоровъ; въ случаѣ же прекращенія рода герцога владѣнія его по XII ст. тильзитскаго трактата должны были отойти къ русскому царствующему дому. Такое незаконное самоуправство Наполеона оскорбило нашего Государя, и при всемъ этомъ Имп. Александръ I не хотѣлъ быть начинателемъ войны; рѣшившись выжидать дальнѣйшаго хода дѣлъ, онъ первый не дѣлалъ вызова своему противнику.

Кн. А. Б. Куракинъ былъ уполномоченъ протестовать противъ такого беззаконнаго поведенія Наполеона въ отношеніи

---

[1]) Депеша Чернышева отъ $^{9}/_{21}$ Февраля 1811 г.

герцога Ольденбургскаго. Этотъ протестъ нашего посла небылъ уваженъ французскимъ правительствомъ. Бассано, министръ иностранныхъ дѣлъ, разговаривая съ кн. Куракинымъ по этому поводу, прямо заявилъ послѣднему, что «протестъ не измѣнитъ дѣла, но только покажетъ Европѣ, что разорванъ союзъ между Франціей и Россіей»[1]).

Наполеонъ же, недопускавшій никакого протеста противъ его всемогущей воли, не видѣвшій нигдѣ преградъ своимъ дѣйствіямъ, оскорбился протестомъ Имп. Александра I и назвалъ его «*придиркой со стороны Имп. Александра I*». Этотъ наглый захватъ герцогства Ольденбургскаго Наполеонъ даже старался свести на законную почву. Называя протестъ Имп. Александра не основательнымъ, онъ доказывалъ кн. Куракину, что герцогъ Ольденбургскій потерялъ свое право на герцогство, такъ какъ не прислалъ своего контингента въ войну Наполеона съ Австріей, и, стало быть, не исполнялъ обязанностей, какъ членъ рейнскаго союза. Къ тому же, объяснялъ Наполеонъ, присоединеніе Ольденбургскаго герцогства къ Франціи было естественною необходимостью, что бы положить конецъ спорамъ между Россіей и Франціей, ибо это герцогство, находясь между Англіей и Франціей, всегда служило бы поводомъ къ разнымъ спорамъ и пререканіямъ съ Россіей.

Но изъ уваженія къ русскому Государю, говорилъ онъ, предлагаетъ онъ герцогу взамѣнъ Ольденбурга Эрфуртъ. Но такой промѣнъ былъ не выгоденъ для насъ, да и оскорбителенъ для царствующаго дома.

Имп. Александръ, повторяемъ, не хотѣлъ быть начинателемъ войны и рѣшился продолжать мирные переговоры съ Наполеономъ по вопросу объ обмѣнѣ герцогства Ольденбургскаго на Варшавское. Имп. Александру Павловичу было весьма важно

---

[1]) См. упом. сочин. А. П. Попова, стр. 20—22. Ср. также le Moniteur Universel 1812 г. № 190, гдѣ помѣщена часть переписки герцога Бассано съ кн. Куракинымъ.

устранить вліяніе Наполеона на польскія дѣла. Правда, Наполеонъ публично заявлялъ, что онъ вовсе не желаетъ возстановленія Польши, ибо было бы оскорбительно для его самолюбія вести переговоры и заключать трактаты съ такимъ государствомъ, какъ Польша. Поляки, говорилъ онъ, народъ маленькій, а Россія великая держава; послѣдней не зачѣмъ опасаться укрѣпленій, возводимыхъ имъ въ Варшавскомъ герцогствѣ. Имп. Александръ I, однако, не вѣрилъ искренности заявленій Наполеона, и просилъ у него взамѣнъ Ольденбурга Варшавскаго герцогства. Но и по этому вопросу соглашеніе не состоялось.

«Все это очень хорошо, говорилъ Наполеонъ Чернышеву, но всетаки я не могу догадаться, чего желаетъ Россія?» и затѣмъ продолжалъ: «пѣтъ, милостивый государь, мы не доведены еще до такой крайности; отдать герцогство Варшавское за Ольденбургъ было бы верхомъ безумія....., за эту выходку Россія можетъ потерять не только польскія области, но и Крымъ»[1]).

Чернышевъ предлагалъ Имп. Александру I требовать у Наполеона Данцигъ взамѣнъ Ольденбургскаго герцогства и очищенія трехъ прусскихъ крѣпостей, какъ гарантіи намѣреній Наполеона въ отношеніи Польши. Но и на такой обмѣнъ Наполеонъ не согласился. Онъ хорошо понималъ, что Данцигъ, въ случаѣ его войны съ Россіей, могъ служить твердою опорою для военныхъ операцій на Вислѣ. «Изъ всѣхъ крѣпостей, о которыхъ вы говорите, только Данцигъ можно назвать хорошею крѣпостью, говорилъ Наполеонъ Чернышеву, а остальныя можно разбить печеными яблоками (le reste pouvait être pris avec les pommes cuites»[2]).

Ясно, что соглашеніе по вышеизложеннымъ возгласамъ не могло состояться; всѣ усплія для этого остались тщетны. Конечно, взаимныя увѣренія императоровъ въ дружбѣ и миролюби-

---

[1]) Депеша Чернышева отъ $^{5}/_{17}$ іюня 1811 г.

[2]) Упом. соч. А. И. Попова, стр. 31.

выхъ настроеніяхъ все еще продолжались, но довѣріе къ политикѣ двухъ великихъ державъ окончательно пропало.

Въ мартѣ 1811 года Наполеонъ откровенно, предъ глазами всей Европы, высказалъ свои враждебныя отношенія къ Россіи. Принимая депутацію отъ торговаго и мануфактурнаго совѣтовъ, Наполеонъ въ своей рѣчи къ ней замѣтилъ: «когда я былъ въ Тильзитѣ, то въ моей власти было идти на Москву или Петербургъ; но русскій Императоръ обязался мнѣ не производить болѣе торговли съ англичанами, и я пріостановилъ мой походъ. Но если онъ не исполнитъ своихъ обѣщаній, то я могу вновь предпринять этотъ походъ. Я займу Данію; необходимо, что бы всѣ прибрежья Балтійскаго моря слѣдовали моей системѣ»[1]).

Съ этой поры Россія, какъ союзница, для Наполеона не существовала: она, по его расчету, всецѣло должна была ему подчиниться, какъ и другія европейскія державы. Пруссію Наполеонъ всегда называлъ своей прирожденной союзницей, конечно, хорошо понимая всю важность значенія ея для него въ стратегическомъ отношеніи. Въ душѣ, однако, Наполеонъ задумалъ, до начатія войны съ Россіей, порѣшить судьбу Пруссіи, а потому и окружилъ ее со всѣхъ сторонъ своими войсками. Французское правительство намѣренно старалась ввести Пруссію въ заблужденіе, возбудивъ въ ней тщетныя надежды, только бы помѣшать ей присоединиться къ Россіи.

Политика Наполеона въ отношеніи Пруссіи лучше всего видна изъ тайной инструкціи, данной въ февралѣ 1811 г. французскому посланнику въ Берлинѣ, Сенъ-Марсану. Наполеонъ боялся революціоннаго движенія въ Германіи, цѣль котораго состояла въ томъ, что бы подготовить Германію ко всеобщему возстанію противъ Франціи; и потому французское правительство предписывало своему посланнику особенно слѣдить за ходомъ революціонной партіи, во главѣ которой стоялъ прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Гарденбергъ. Политику Гарденберга Напо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 27.

леонъ называлъ коварною, и боялся его вліянія на такихъ писателей, какъ Фихте, Цёленъ, Архенгольцъ, Шлегель; въ литературныхъ сношеніяхъ писателей и ученыхъ французское правительство подозрѣвало разныя политическія затѣи, направленныя ко вреду Франціи, и потому предписывало Сенъ-Марсану слѣдить за дѣйствіями профессоровъ въ Іенѣ, Геттингенѣ, Ладсгутѣ, Мюнхенѣ, Эрлангенѣ. Эти отдѣльныя личности, предвидѣвшія заранѣе что то недоброе въ союзѣ Пруссіи съ Франціи, остались особнякомъ, какъ единицы; общественное мнѣніе Пруссіи было на сторонѣ французовъ. Правда, сначала Пруссія нѣсколько колебалась, пристать ли ей къ Россіи или къ Франціи; но въ концѣ концовъ прусское правительство уступило Наполеону Кенигсбергъ, для занятія его французскими войсками прежде русскихъ и вошло съ нимъ въ переговоры о новыхъ военныхъ дорогахъ и содержаніи французскаго войска въ Пруссіи и Варшавѣ. Теперь Пруссія, какъ союзница, для насъ не существовала.

Австрія же полагалась на свои родственныя связи съ Наполеономъ; Наполеонъ же старался задобрить австрійцевъ только въ виду войны съ Россіей. О выгодахъ Австріи онъ и не думалъ. Въ рѣчи своей къ торговымъ депутатамъ Наполеонъ прямо заявилъ, что не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на выгоды Австріи [1]).

Къ тому же Наполеонъ, желая предупредить двусмысленность поведенія Австріи, задумалъ собрать въ Далмаціи армію въ 40 — 60 т., чтобы угрожать Австріи и такимъ образомъ заставить ее дѣйствовать сообразно съ его политическими видами. Родственная Наполеону Австрія струсила, конечно. Поляки, видѣвшіе въ Наполеонѣ будущаго возродителя Польши, льстили себя самыми несбыточными надеждами по поводу войны Наполеона съ Россіей.

Но всѣ горько ошиблись, не понявъ, что они суть орудія въ рукахъ Наполеона, служащія его идеѣ организаціи великой

---

[1]) Депеша Чернышева отъ $^{5}/_{17}$ іюня 1811 г.

французской имперіи. Наполеонъ зналъ, что одной силы, угрозы мало, а потому прибѣгъ къ болѣе тонкому средству. Заботясь о военныхъ приготовленіяхъ, Наполеонъ въ тоже время торопился напскорѣйшимъ изданіемъ 19-ти томовъ своего кодекса съ тою цѣлію, что бы устроить Германію и государства Рейнскаго союза по образцу Франціи и тѣмъ легче подчинить ихъ послѣдней. Только Швеція не поддалась уловкѣ Наполеона и сохранила союзъ съ Россіей.

Между тѣмъ Имп. Александръ I не присылалъ въ Парижъ уполномоченнаго для мирныхъ переговоровъ и Наполеонъ рѣшился объявить *послѣднія условія* достиженія соглашенія между Россіей и Франціей: а) совершенное исполненіе тильзитскаго трактата, b) заключеніе новаго торговаго трактата съ Франціей и с) соглашеніе по вопросу объ Ольденбургскомъ герцогствѣ, замѣтивъ при этомъ, что Россія будетъ виновницей войны 1812 г., ибо она не ищетъ мирнаго соглашенія съ Франціей.

Соглашенія могли бы состояться только при взаимныхъ уступкахъ; не могъ же Имп. Александръ I приходить къ соглашеніямъ по программѣ, начертанной Наполеономъ. Разрывъ между двумя имперіями былъ неминуемъ.

Въ апрѣлѣ 1812 года Наполеонъ объявилъ кн. А. Б. Куракину, что онъ рѣшилъ воевать съ нами и не скрываетъ своего намѣренія, но при этомъ предоставлялъ кн. Куракину право заключить неограниченное перемиріе. Но Куракинъ устранилъ отъ себя это право и рѣшилъ уѣхать въ Петербургъ, захвативъ съ собою и архивъ нашего посольства. Еще въ 1811 году Наполеонъ сообщалъ Чернышеву свой планъ военныхъ дѣйствій, на случай наступательнаго движенія Россіи. «Такъ какъ силы ваши простираются до 400 т., говорилъ Наполеонъ Чернышеву, которыхъ правый флангъ опирался на Ригу, а лѣвый на Каменецъ-Подольскъ, я не могъ оставить армію герцогства варшавскаго не прикрытою и былъ вынужденъ двинуть мои войска впередъ; къ вашему переходу черезъ Пруссію вы найдете уже корпусъ Даву въ движеніи къ Штетину, другіе корпуса будутъ слѣдовать въ не-

дальнемъ разстояніи отъ него, чтобы я могъ съ настоящаго времени выставить мои аванпосты на Вислѣ, а главныя силы на Одерѣ» [1]).

Между тѣмъ, Наполеонъ въ Пруссіи и герцогствѣ варшавскомъ возвелъ цѣлую линію крѣпостей весьма грозныхъ, а изъ саксонцевъ и поляковъ могъ двинуть противъ насъ армію въ 70 т., составлявшую только авангардъ огромныхъ силъ, которыми онъ могъ располагать, произведъ конскрипцію за 1811 годъ.

Выигрывая время въ мирныхъ переговорахъ съ Имп. Александромъ, Наполеонъ продолжалъ тайкомъ усиливать свои вооруженія.

Въ апрѣлѣ 1811 г. онъ заказалъ 40 т. упряжной сбруи для Гамбурга въ виду военныхъ потребностей и 20 т. должны были быть распредѣлены на Везель и Эрфуртъ. Нѣкто Поше былъ уже назначенъ главнымъ смотрителемъ магазиновъ въ Эрфуртъ, гдѣ предполагались главные склады для центральнаго корпуса; уже туда отправлено было большое число хлѣбопековъ и мясниковъ, необходимыхъ для германской арміи.

Чернышевъ, уговаривая Имп. Александра немедленно заключить миръ съ турками, сообщаетъ объ организаціи трехъ корпусовъ, предназначаемыхъ для военныхъ дѣйствій противъ Россіи. Корпусъ маршала Даву, писалъ онъ, будетъ состоять изъ пяти дивизій пѣхоты и одной — конницы. Начальники дивизій уже назначены. Этотъ корпусъ будетъ называться эльбскимъ обсерваціоннымъ. Центральный корпусъ, увѣряютъ, будетъ подъ начальствомъ неаполитанскаго короля, Іоахима, при помощи маршала Массены, вызваннаго изъ Испаніи, и будетъ состоять изъ четырехъ дивизій пѣхоты и пяти — конницы; генералы Вандамъ, Легранъ, Молитеръ, Лакамбо, Сенъ-Мишель назначены начальниками пѣхотныхъ дивизій. Пять конныхъ дивизій будутъ состоять изъ трехъ кираспрскихъ, которыя уже двинуты въ Германію, и двухъ дивизій легкой кавалеріи. Полный составъ этого кор-

[1]) Депеша Чернышева 1811 года, безъ числа.

пуса, который будетъ называться рейнскимъ обсерваціоннымъ, еще неизвѣстенъ. Третій, итальянскій обсерваціонный корпусъ будетъ состоять подъ начальствомъ итальянскаго вице-короля, при которомъ будетъ находиться маршалъ Удино»[1]).

Хотя Чернышевъ и кн. Куракинъ понимали, что Наполеонъ зачастую хвастался своими огромными силами, огромнымъ количествомъ запасныхъ магазиновъ, часто преувеличивалъ свои силы, желая запугать насъ, но въ виду изумительныхъ его военныхъ приготовленій уговаривали Имп. Александра I не вступать въ мирные переговоры съ Наполеономъ, такъ какъ чрезъ это ему давалась возможность успѣшнѣе организовать германскую армію и выиграть время.

Чернышевъ заявлялъ петербургскому кабинету, что теперь уже не только нельзя избѣгнуть войны, но даже и отсрочить ее. Военныя приготовленія все увеличивались; Наполеонъ сдѣлалъ большія производства по арміи и назначилъ начальниковъ крѣпостей въ имперіи. Маршалъ Удино принялъ уже начальство надъ утрехтскимъ и эмбденскимъ лагеремъ, а также надъ войсками 18 и 31 дивизіи; Ней назначался начальникомъ надъ булонскимъ лагеремъ. Устройство администраціи для большой арміи окончено, лица назначены, многія части уже отправлены, другія получили приказанія быть готовыми, огромные запасные магазины устроены въ Магдебургѣ, Гамбургѣ и особенно въ Везелѣ, и идетъ уже рѣчь о конскрипціи за 1812 годъ[2]).

Между тѣмъ, Наполеонъ въ это время запялъ уже Гольштейнъ, и 7 (19) сентября 1811 г. отправился осматривать булонскій и другіе военные лагери. Всѣ были увѣрены въ окончательной рѣшимости Наполеона начать войну съ Россіей, тѣмъ болѣе, что у императора французовъ въ это время было подъ рукой 300 т. хорошихъ войскъ, весьма выгодныя операціонныя линіи, опирающіяся на первоклассныя крѣпости. Да и при томъ судьба

[1]) Депеша Чернышева отъ 28 апрѣля (10 мая) 1811 года.
[2]) Депеша Чернышева отъ $^{5}/_{17}$ августа 1811 года.

Пруссіи была уже рѣшена, ибо была окружена отовсюду Наполеоновскими войсками. Общественное мнѣніе Европы убѣждено было, что Наполеонъ однимъ ударомъ, въ непродолжительную компанію, хочетъ покончить судьбу Россіи и раздѣлить ее. П. К. Сухтеленъ, нашъ посланникъ въ Стокгольмѣ, сообщаетъ Имп. Александру I, со словъ наслѣднаго шведскаго принца Бернадота [1]), что Наполеонъ задумалъ окончить войну съ Россіей въ два мѣсяца, выиграть генеральное сраженіе, двинуться въ Константинополь и сдѣлать его столицею великой французской имперіи.

Осенью 1811 года было неудобно начинать военныя дѣйствія, совершать переправу чрезъ Вислу, ибо Наполеонъ хорошо зналъ, что Польша и привислянскій край обладаютъ непроходимою грязью. Это время Наполеонъ рѣшилъ употребить на возможно лучшую организацію своихъ армій и увеличеніе ихъ численности. Въ декабрѣ 1811 г. Чернышевъ увѣдомлялъ русскій кабинетъ слѣдующей депешей: «Приготовленія къ войнѣ производятся здѣсь съ величайшею дѣятельностію. Германская армія усиливается ежедневно, она простирается уже болѣе 120 т. Устройство уланскихъ полковъ и снаряженіе подкрѣпленій для кирасировъ продолжается съ быстротою, и все, что касается до артиллеріи, перевозочныхъсредствъ и обозовъ — почти уже окончено, потому что правительство не щадитъ денегъ, лишь только бы все привести къ окончанію» [2]).

Въ декабрѣ 1811 г. ходилъ уже слухъ въ Парижѣ о томъ, что готовится манифестъ Наполеона къ войскамъ. Между тѣмъ, въ министерствѣ военномъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ неутомимо работали, чтобы снабдить всѣмъ нужнымъ германскую армію. Наполеонъ все свое вниманіе обратилъ на конницу и артиллерію, такъ какъ этими видами оружія онъ преимущественно

[1]) Бернадотъ, принцъ Понте-Корво, бывшій франц. маршалъ, избранный въ наслѣдные шведскіе принцы, впослѣдствіи шведскій король Карлъ XIV Іоаннъ (1764—1844 г.).

[2]) Депеша Чернышева отъ $^{6}/_{18}$ декабря 1811 г.

расчитывалъ сокрушить наши силы. Закипѣла усиленная дѣятельность въ арсеналахъ Страсбурга, Майнца и Лаферъ. Въ послѣдній городъ по Сенѣ отправленъ большой транспортъ колесъ, осей, лафетовъ и болѣе 800 упряжныхъ лошадей.

«Дороги, писалъ Чернышевъ, отъ Страсбурга, Майнца, Коблепца и Везеля загромождены обозами съ артиллерійскими принадлежностями». Императорская гвардія была уже сформирована, особенно кавалерія, и сдѣланы всѣ приготовленія къ ея походу; полки гвардейскихъ стрѣлковъ, въ количествѣ 3,300 человѣкъ, отправились въ Брюссель, къ германской арміи. По приказанію императора произведенъ строгій осмотръ ружей, сабель, штыковъ въ парижскихъ гвардейскихъ казармахъ. Офицеры — ординарцы Наполеона получили каждый по 25 т. франковъ для снаряженія ихъ на войну.

Всякій теперь понималъ, что такія операціи могли производиться только предъ открытіемъ кампаніи, предъ началомъ выступленія войскъ. Да и самъ Наполеонъ рѣшился уже снять съ себя маску и предстать лицемъ къ лицу предъ Имп. Александромъ I.

Въ одномъ изъ засѣданій (въ декабрѣ 1811 г.), когда министръ иностранныхъ дѣлъ, Бассано, читалъ объ отношеніяхъ Россіи и Франціи (что обыкновенно дѣлалось предъ войною), Наполеонъ ходилъ большими шагами по залѣ, скрестивъ руки на груди. Когда кончилось чтеніе, не спрашивая ничьего мнѣнія и не начиная разсужденій, Наполеонъ рѣшительно сказалъ: «*la séance est levée, M-rs, mon parti est pris*», т. е., «засѣданіе, господа, закрывается, я уже рѣшился».

Очевидно стало, что Наполеонъ уже готовъ начать кампанію, когда онъ сочтетъ это выгоднымъ для себя. Имп. Александръ I все еще думалъ покончить мирными соглашеніями и послать по этому поводу въ Парижъ уполномоченнаго гр. Нессельроде. Но дальновидный Чернышевъ, хорошо усвоившій политику Наполеона въ отношеніи Россіи, прямо заявлялъ Имп. Александру I, что объ удачѣ переговоровъ о мирѣ не слѣдуетъ и думать, что по-

сольство уполномоченнаго гр. Нессельроде ничему не поможетъ, такъ какъ Наполеонъ рѣшилъ раздѣлить Россію.

Совершенно одинаковыхъ воззрѣній съ Чернышевымъ былъ и кн. Куракинъ. Заявляя Имп. Александру I о томъ, что посольство гр. Нессельроде не будетъ имѣть никакого значенія въ переговорахъ съ Наполеономъ о мирѣ, кн. Куракинъ извѣщалъ Имп. Александра I о томъ, «что императорская гвардія готова къ походу; приготовляютъ повозки, на которыхъ она будетъ отправлена на почтовыхъ; во всѣхъ госпиталяхъ Парижа приготовляютъ корпію для арміи, что собрана конскрипція въ 200 т. Со мною, продолжаетъ онъ, обходятся теперь соотвѣтственно тому угрожающему положенію, которое принимаетъ въ отношеніи къ намъ глава Франціи»[1]).

О мирѣ было уже невозможно думать, такъ какъ Наполеонъ не принималъ одного изъ главныхъ условій мира — очищенія Пруссіи; даже это предложеніе съ нашей стороны онъ называлъ безчестнымъ, оскорбляющимъ его самолюбіе. Всѣ единогласно заявляли, что французское вліяніе сказывается на всѣхъ державахъ, что вся система дѣйствій Наполеона направлена къ разрыву съ Россіей.

Но Чернышевъ и кн. Куракинъ не ограничились одними только сообщеніями Имп. Александру I о замыслахъ Наполеона противъ Россіи, но и предлагали ему свои способы дѣйствовать въ противовѣсъ этимъ замысламъ противника. Чернышевъ предлагалъ Имп. Александру I тройкій способъ веденія дѣлъ въ отношеніи политики Наполеона[2]). Совѣтъ Чернышева порадовалъ нашего Государя, который на его же донесеніи собственноручно приписалъ: «зачѣмъ нѣтъ у меня многихъ министровъ такихъ, какъ этотъ молодой человѣкъ». Совѣтуя Имп. Александру привлечь Пруссію на свою сторону, пока ей еще не пришлось выбирать между Франціей и Россіей, Чернышевъ

---

[1]) Депеша кн. Куракина отъ 24 декабря 1811 г. (5 января) 1812 г.

[2]) Эти три способа изложены въ депешѣ Чернышева отъ $^{5}/_{17}$ іюня 1811 г.

предлагаетъ свой планъ относительно формированія союзническаго иностраннаго корпуса противъ Франціи; чтобы доставить возможность лифляндскимъ и курляндскимъ дворянамъ поступить на службу въ нѣмецкій корпусъ, предлагаетъ обученіе и командованіе производить на нѣмецкомъ языкѣ, и, какъ можно скорѣе, часть этого корпуса отправить въ нѣмецкіе порты: Гамбургъ, Любекъ и др.

Сообщая свои способы дѣйствій противъ Наполеона, Чернышевъ совѣтуетъ готовиться къ продолжительной войнѣ, такъ какъ только продолжительнымъ сопротивленіемъ можно побѣдить Наполеона, а для этого необходимо сдѣлать большой наборъ для резервовъ. Вотъ что писалъ Чернышевъ по этому поводу: «затягивать на продолжительное время войну, умножать затрудненія, имѣть всегда достаточныя арміи въ резервѣ, пользоваться ошибкою непріятеля, этимъ можно совершенно спутать ту систему войны, которой держится Наполеонъ». «Только этимъ способомъ веденія дѣлъ можно восторжествовать надъ угнетателемъ цѣлаго міра и выступить въ прекрасной ролп освободителей Европы»[1]). А вотъ какъ Чернышевъ совѣтывалъ петербургскому кабинету предварить походъ Наполеона въ Россію: «воспользоваться осенью 1811 года, двинуть наши войска къ Вислѣ, занять Варшавское герцогство, устроить сильныя позиціи на Вислѣ и дѣйствовать между Вислою и Одеромъ, что бы лишить непріятеля всякихъ средствъ продовольствія и затруднить ему переправу чрезъ Вислу»[2]). Чернышевъ даже убѣждалъ Имп. Александра I объявить себя польскимъ королемъ и посадить въ Варшавѣ своего резидента, какъ это сдѣлалъ Наполеонъ.

Съ мнѣніемъ А. И. Чернышева вполнѣ согласовались и планы кн. Куракина относительно нашихъ военныхъ операцій. Въ мартѣ, 1812 г. кн. Куракинъ писалъ Александру Павловичу: «Государь, чтобы не подвергнуть опасности цѣлость нашихъ границъ, кото-

---

[1]) Депеша Чернышева отъ $^{7}/_{19}$ сентября 1811 г.
[2]) Тоже, $^{7}/_{19}$ декабря 1811 г.

рыя на огромномъ пространствѣ, отъ Риги до Каменецъ-Подольска, совершенно открыты — не рѣшаться на генеральныя сраженія. Настоящій способъ вести эту войну, по моему мнѣнію, долженъ заключаться въ томъ, чтобы избѣгать всякаго генеральнаго сраженія и сообразоваться сколько возможно съ малой войной, принятой въ Испаніи противъ французовъ, чтобы ихъ тревожить и стараться уничтожить недостаткомъ продовольствія такія огромныя массы, которыя они поведутъ на насъ».

Всѣ эти планы и способы военныхъ операцій противъ Наполеона не могли же оставаться только на бумагѣ, нужно было ихъ реализировать. Но чѣмъ себя гарантировать на сѣверѣ, завязавъ борьбу съ Наполеономъ на жизнь и смерть? Вѣдь, подъ желѣзною рукою Наполеона рабски лежала вся континентальная Европа, исключая Англіи и Испаніи. Россіи же оставалось съ трудомъ расчитывать на союзъ съ Швеціей, у которой мы такъ недавно отняли Финляндію. Помощь Англіи была крайне необходима намъ въ виду военныхъ издержекъ на войну съ Наполеономъ. Имп. Александръ I и представители русскаго кабинета за границею понимали всю необходимость заключенія союза съ Швеціей, чтобы обеспечить себѣ тылъ съ этой стороны и совѣтывали даже Имп. Александру I уступить Турціи Молдавію и Валахію, только бы она оставалась нейтральною въ войну нашу съ Наполеономъ. Кн. Куракинъ писалъ Имп. Александру I: «При такихъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется, заключеніе союза съ Швеціей представляется необходимымъ и выгоднымъ, для того чтобы обеспечить себя отъ нападенія съ этой стороны»[1]). Союзъ же съ Англіей кн. Куракинъ считалъ самымъ выгоднымъ для насъ.

Наполеонъ видѣлъ, что союзъ съ Швеціей крайне необходимъ Имп. Александру I, а потому всячески старался помѣшать этому союзу; но всѣ усилія его остались безуспѣшны.

Наслѣдный принцъ шведскій Бернадотъ, выбранный въ принцы помимо желанія Наполеона, неподдался лестнымъ обѣщаніямъ

---

[1]) Депеша Куракина отъ $^{19}/_{31}$ марта 1811 г.

Наполеона, который рисовалъ ему французскій императоръ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Прежде всего Наполеонъ обѣщалъ возвратить Бернадоту Финляндію, если только онъ заключитъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи. Баронъ Сухтеленъ, нашъ посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ, сообщая предложенія Наполеона Бернадоту, увѣдомляетъ Имп. Александра I о томъ, «что Наполеонъ предлагаетъ принцу объявить намъ войну въ то самое время, какъ онъ узнаетъ, что и онъ (Наполеонъ) объявилъ съ своей стороны и сейчасъ же напасть на Финляндію. За это онъ обѣщаетъ Швеціи, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ ей Финляндію» [1]).

Наполеонъ рисовалъ Бернадоту самую заманчивую картину преимуществъ, которыя онъ пріобрѣтетъ, если вступитъ въ наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей, которая уже находилась, какъ заявлялъ Наполеонъ, въ союзѣ съ Саксоніей, Пруссіей, Австріей, Портой и проч. Обѣщалъ Бернадоту часть Норвегіи, милліонъ съ половиною франковъ пособія въ мѣсяцъ, изъ которыхъ предлагалъ за три мѣсяца впередъ, и наконецъ продать колоніальныхъ товаровъ на двадцать милліоновъ франковъ въ какомъ либо изъ нѣмецкихъ портовъ или перевести въ Швецію.

Бернадотъ, однако, не увлекся завѣреніями Наполеона и рѣшилъ дѣйствовать за одно съ Россіей. Вотъ что писалъ по этому случаю Сухтеленъ Имп. Александру I: «Наслѣдный принцъ шведскій неразрывно связалъ свою судьбу съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ» [2]).

Можно себѣ представить довольство Имп. Александра I такимъ поведеніемъ Швеціи въ отношеніи Россіи и озлобленіе Наполеона на бывшаго своего подначальнаго маршала, Бернадота.

Наполеонъ, взбѣшенный поведеніемъ шведскаго принца, его союзомъ съ Имп. Александромъ, рѣшился пустить въ ходъ ко-

[1]) Письмо Сухтелена Имп. Александру I отъ $^{18}/_{30}$ марта 1812 г.
[2]) Тамъ же.

варные способы противъ союзниковъ, только бы достигнуть своей цѣли. Изъ разговоровъ Сухтелена съ Бернадотомъ видно, что Наполеонъ покушался даже на жизнь своихъ противниковъ: Бернадота и Имп. Александра. Неизвѣстное намъ лицо, искренній другъ Наполеона, знавшій хорошо все, происходившее въ кабинетѣ Наполеона, въ письмѣ своемъ къ Бернадоту умоляетъ принца беречься лично за себя, ибо Наполеонъ готовъ употребить противъ него другое оружіе, если Бернадотъ отвергнетъ его соблазнительныя предложенія. Къ этому Бернадотъ добавилъ еще и другое извѣстіе, что въ Парижѣ обратились къ сектѣ иллюминатовъ, чтобы они дѣйствовали на ихъ братьевъ въ Россіи, какъ и въ Швеціи, такъ что бы два удара были нанесены одновременно. Одинъ изъ сектантовъ выдалъ этотъ замыселъ французскаго правительства другу принца.

Надо думать, что слухъ этотъ распространился сначала въ Лондонѣ; покрайней мѣрѣ онъ сообщенъ былъ Сухтелену барономъ Енгенстрёмомъ, шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, на основаніи депеши, полученной имъ изъ Лондона.

Объ этомъ обстоятельствѣ Сухтеленъ донесилъ Имп. Александру: «Принцъ оказывался гораздо выше страха и сказалъ, что онъ охотно бы умеръ, если бы только исполнилъ свои обязанности въ отношеніи Швеціи и принялъ бы участіе въ спасеніи сѣвера. Онъ готовъ быть убитымъ послѣднею пулею, которая будетъ пущена изъ арміи Наполеона во время ея отступленія за Рейнъ». Бернадотъ, стоически встрѣтившій извѣстіе о покушеніи Наполеона на его жизнь, просилъ чрезъ Сухтелена Имп. Александра I быть осторожнымъ. «Принцъ хотя и зналъ, продолжаетъ Сухтеленъ въ той же депешѣ, что Ваше Императорское Величество обожаютъ ваши подданные, хотѣлъ однако же, чтобы я сообщилъ Вамъ объ этомъ ужасномъ намѣреніи, весьма достойномъ, сказалъ онъ, своего гнуснаго изобрѣтателя, котораго неистощимый геній въ изобрѣтеніи способовъ мало заботится о выборѣ средствъ, лишь бы только они приводили къ его цѣли— подчинить себѣ міръ. Государь, позвольте, чтобы это спаситель-

ное предостереженіе наслѣднаго принца сопровождалось просьбою стараго преданнаго слуги обратить на него вниманіе. Ваше Величество не бережетесь постоянно. Можете ли Вы предполагать, что изъ числа 40 милліоновъ слишкомъ подданныхъ не нашлось бы одного негодяя (un misérable), котораго возможно бы подкупить на убійство»[1]).

Гордость Наполеона не позволила ему войти въ мирныя соглашенія съ Швеціей; онъ рѣшился занять своими войсками Шведскую Померанію, чѣмъ окончательно оттолкнулъ отъ себя Швецію и тѣмъ самымъ способствовалъ тѣснѣйшему сліченію Бернадота съ Имп. Александромъ I. «Теперь мы свободны отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ Франціи», говорилъ бар. Энгепстрёмъ Сухтелену.

Съ этихъ поръ общественное мнѣніе Швеціи отвернулось отъ Наполеона и всецѣло приковалось къ Имп. Александру I. Съ этихъ поръ Бернадотъ не только сообщаетъ свои планы веденія дѣлъ противъ Наполеона, но и вывѣдываетъ планы послѣдняго въ отношеніи Россіи, а это было весьма важно для насъ.

Разговаривая съ бар. Сухтеленомъ о видахъ Наполеона на Константинополь, Египетъ и Морею, Бернадотъ замѣчаетъ: «Мнѣ еще сегодня сообщили о многихъ другихъ (видахъ). Мнѣ пишутъ, что онъ (Наполеонъ) расчитываетъ въ два мѣсяца окончить войну съ Россіей, потомъ пойдетъ въ Константинополь, куда перенесетъ столицу, чтобы оттуда управлять Россіей и Австріей, какъ и всею Европою»[2]).

Въ силу то этого обстоятельства, Бернадотъ предугадывалъ намѣреніе Наполеона сдѣлать диверсію противъ русскихъ со стороны Турціи. Но императоръ французовъ, желавшій Константинополь сдѣлать своей столицею, понималъ, что одному ему не справиться съ турками, а нужно заключить союзъ съ Имп. Александромъ I, и потому не безъ умысла рискнулъ на особый родъ военной политики: выйграть у насъ генеральное сраженіе, не

[1]) Письмо Сухтелена Имп. Александру отъ 29 марта (10 апрѣля) 1812 г.

[2]) Письмо Сухтелена къ Императору отъ 29 марта (10 апрѣля) 1812 г.

брать у насъ ни контрибуціи, ни завоеванныхъ территорій, а только обязать Имп. Александра I идти вмѣстѣ съ нимъ разгромить Турцію. «Его Высочеству, писалъ Сухтеленъ Императору, извѣстно еще одно предположеніе Наполеона: выиграть большое сраженіе, возвратить Вамъ все, прибавить даже нѣкоторыя выгоды; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы войти въ союзъ съ нимъ и обратить общее оружіе противъ турокъ, чтобы изгнать ихъ изъ Европы и раздѣлить ихъ земли»[1]).

Россіи нельзя было допускать осуществленія такого плана, ибо ей пришлось бы оставаться въ проигрышѣ. Былъ слухъ, что Наполеонъ готовъ уступить Имп. Александру все, что лежитъ по эту сторону Балкапъ, но себя все таки думалъ провозгласить восточнымъ и западнымъ императоромъ.

Не безъизвѣстно также было и то, что Наполеонъ никогда не сдерживалъ даннаго слова. Такъ, заключивъ союзъ съ Австріей, онъ везъ съ собою въ Германію все нужное для коронованія, предполагая, вѣроятно, короновать себя императоромъ, Заключая союзъ съ Пруссіей, онъ обѣщалъ Силезію Австріи, увѣрялъ, что ни одинъ французъ не войдетъ въ Берлинъ, а между тѣмъ маршалъ Удино устроилъ въ Берлинѣ свою главную квартиру съ тысячами людей и лошадей.

Нужно было теперь думать уже не о союзѣ съ Наполеономъ противъ турокъ, а о средствахъ обороны противъ сильнаго врага. Да и самую Турцію нужно было привлечь если не къ союзу съ нами, то покрайней мѣрѣ заставить ее быть нейтральною въ войну нашу съ Наполеономъ.

Вотъ почему Сухтеленъ, говоря Имп. Александру о необходимости заключить намъ миръ съ турками, въ то же время посылаетъ изъ Стокгольма къ туркамъ генерала Таваста съ цѣлію убѣдить ихъ, что Наполеонъ, подъ видомъ дружбы съ ними, тайно добивается захвата Морен, Египта, Константинополя, и тѣмъ самымъ склонить ихъ къ союзу съ Россіей.

---

[1]) Тамъ же.

Въ Швецію, между тѣмъ, былъ отправленъ вспомогательный корпусъ нашихъ войскъ, который долженъ былъ поступить подъ личное командованіе Бернадота и вмѣстѣ съ шведскими войсками дѣйствовать во флангъ Наполеону. Бернадотъ не рѣшился, однако, дѣйствовать особнякомъ, и всѣ свои планы относительно военныхъ операцій противъ Наполеона сообщалъ чрезъ Сухтелена Имп. Александру I, который очень интересовался имп.

Позволяю себѣ сообщить вкратцѣ эти планы Бернадота, такъ какъ они заслуживаютъ нашего вниманія.

Бернадотъ прежде всего старался вовлечь Данію въ коалицію противъ Наполеона или силою оружія, или путемъ мирныхъ соглашеній. Достигнувъ этого, дѣйствующія силы наши могли свободно двигаться съ своимъ флотомъ на островъ Фіонію и оттуда въ Шлезвигъ; стало быть, имѣя постоянно свободное плаваніе по двумъ морямъ, можно было двигаться къ ганзейскимъ городамъ, на какую нибудь точку лѣваго фланга дѣйствій французовъ, къ Ганноверу, напримѣръ, или къ такой странѣ, жители которой будутъ на нашей сторонѣ.

Предлагая такой планъ военныхъ дѣйствій, Бернадотъ имѣлъ въ виду заставить Наполеона отдѣлять большіе отряды изъ своей арміи и тѣмъ самымъ уменьшить его армію въ Польшѣ, а чрезъ это, думалъ онъ, само собой совершилась бы диверсія, полезная для русской арміи. Если бы даже Наполеонъ заставилъ Бернадота отступать, то цѣль диверсіи все таки достигалась. Отступая на полуостровъ, съ многочисленными позиціями, Бернадотъ съ помощію флота не могъ опасаться за свои фланги, а фланги непріятеля оставались бы открытыми и не могли бы помѣшать Бернадоту сѣсть на суда и сдѣлать новую высадку въ другомъ мѣстѣ, напр. въ шведской или прусской Померапіи. Бернадотъ, очевидно, имѣлъ въ виду отвлекать массы французскихъ войскъ.

Говоря о дѣйствіяхъ большой русской арміи, Бернадотъ настаиваетъ главнымъ образомъ на то, чтобы ни въ какомъ случаѣ не давать Наполеону большихъ сраженій, а дѣйствовать мелкими стычками. По этому, избирать на операціонной линіи для войска

мѣстности крѣпкія по природѣ и укрѣпить ихъ, а не вдалекѣ отъ нихъ имѣть сильные резервы, съ остальными силами дѣйствовать на флангп непріятеля и чрезъ это вынуждать его раздѣлять свои силы, безпокоить его въ его передвиженіяхъ, что всего непріятнѣе для французскаго солдата; казаковъ же отправлять въ тылъ непріятеля отнимать у него обозы и уничтожать его продовольственныя средства.

Предполагая, что поприще войны будетъ происходить между Вислою и Нѣманомъ и что Гродно будетъ центральнымъ пунктомъ операціонной линіи, Бернадотъ не совѣтуетъ выдвигать намъ центръ слишкомъ впередъ, а только правый флангъ. Пока войска Наполеона не перешли еще Вислу, по плану Бернадота, намъ слѣдовало занять восточную Пруссію и привлечь прусскія войска на свою сторону; занять Кенигсбергъ, Грауденцъ, Гафы, а важнѣе всего Пиллау; имѣя здѣсь флотилію, блокировать Данцигъ[1]). Бернадотъ, очевидно, желалъ угрожать лѣвому флангу непріятеля, мѣшать ему дѣлать береговыя укрѣпленія и заставить его содержать большой гарнизонъ въ Данцигѣ. Бернадотъ особенное вниманіе обращаетъ на Двину и совѣтуетъ сильнѣе укрѣпить Гродно, усилить укрѣпленія Риги, устроить здѣсь укрѣпленный лагерь, примкнувъ его съ правой стороны къ рѣкѣ. Бернадотъ, очевидно, наше отступленіе за Двину находилъ весьма вѣроятнымъ, послѣ перваго же проиграннаго сраженія. Въ такомъ разѣ, по мнѣнію Бернадота, одной нашей арміи приходилось бы отступать между Тверью и Москвою (по дорогѣ къ Бобруйску). Другая же — по дорогѣ болѣе на сѣверъ, т. е. чрезъ Динабургъ. Въ Ригѣ и Нарвѣ онъ предлагалъ Имп. Александру I оставить незначительный корпусъ, который бы, сражаясь, отступалъ, затрудняя движеніе непріятеля.

Ясно, что Бернадотъ желалъ совмѣстнаго дѣйствія русской и шведской арміи. Онъ даже предлагалъ Имп. Александру I приготовить въ Эстляндіи провіантъ и госпитали, съ тѣмъ чтобы,

[1]) Письмо Сухтелена Императору отъ $^{18}/_{30}$ марта 1812 г.

въ случаѣ плохого положенія нашихъ дѣлъ, можно было бы причалить къ Эзелю и высадиться въ Эстляндіи.

Но Бернадотъ въ своихъ планахъ шелъ еще дальше. Незнакомый съ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ въ это время, Бернадотъ предлагалъ Имп. Александру I, при малѣйшемъ нашемъ успѣхѣ, хотя бы это была аванпостная стычка, издать прокламацію, которая бы подѣйствовала на общественное мнѣніе. Для этого онъ представилъ разные предметы: напр., всѣ предположенія на счетъ Польши, уничтоженіе Рейнскаго союза, возстановленіе Германской имперіи и т. д.

Думая, что Петербургъ будетъ въ опасности, Бернадотъ завѣрялъ Имп. Александра, что шведы готовы летѣть на помощь, все посадить на суда и высадиться въ тылу французовъ или же переѣхать въ Финляндію. «Если бы пришлось отступать за Двину, говорилъ онъ Сухтелену, и, чтобы все сказать за Неву, только бы упорно продолжали дѣйствовать, все устроится и Наполеонъ окончитъ съ Александромъ также, какъ Карлъ XII съ Петромъ Великимъ»[1]).

Такимъ образомъ, одна цѣль посольства бар. Сухтелена въ Стокгольмъ достигнута съ успѣхомъ, — соглашеніе съ Швеціей состоялось. Но у Швеціи не было самаго важнаго — денегъ; наши финансы были въ самомъ разстроенномъ состояніи: стало быть необходимо было заручиться такимъ союзникомъ, который бы могъ дѣлить издержки на войну. Такимъ союзникомъ могла быть только Англія.

Вотъ почему Сухтелену, помимо шведскихъ дѣлъ, было поручено дѣйствовать на Англію чрезъ шведское правительство съ цѣлію привлеченія ея къ союзу съ Россіей въ войну нашу съ Наполеономъ. Имп. Александръ I и представители петербургскаго кабинета въ иностранныхъ державахъ прекрасно понимали всю важность союза нашего съ Англіей въ это время. Кн. Куракинъ всѣми силами старался убѣдить Имп. Александра I немедленно

---

[1]) Письмо Сухтелена Императору отъ $^{18}/_{30}$ марта 1812 г.

заключить союзъ съ Англіей, не обращая никакого вниманія на разныя наши обязательства въ отношеніи Франціи, такъ какъ для отраженія врага необходимо пользоваться всякими средствами. Союзъ нашъ съ Англіей былъ важенъ намъ не только въ военномъ, но и въ торговомъ отношеніи. Первымъ послѣдствіемъ этого союза должно было быть повышеніе нашего курса и возрожденіе внутреннихъ средствъ чрезъ пробужденіе торговли, промышленности, а равно и входъ денегъ въ имперію. Теперь и становится понятнымъ, почему Александръ Павловичъ несогласился на предложеніе Наполеона убить англійскую торговлю на сѣверѣ и обнародывалъ новый тарифъ, которымъ такъ былъ взбѣшенъ Наполеонъ, что рѣшился даже сожигать наши товары, ввозимые въ французскіе порты.

Но у Наполеона, предъ началомъ войны съ нами, было 600 милліоновъ, какъ онъ самъ заявлялъ, а у насъ далеко столько небыло, поэтому крайне необходимо было открыть наши порты для Англіи, — державы, преобладающей на моряхъ, корабли которой наполняли ихъ въ продолженіе столѣтій и всегда съ большой выгодой для нашей торговли.

Кн. Куракинъ даже просилъ Имп. Александра I заключить миръ съ турками при посредствѣ Англіи, такъ какъ она пріобрѣла большое вліяніе на турецкій диванъ, а въ крайнемъ случаѣ могла отправить къ Константинополю одну изъ многочисленныхъ своихъ эскадръ средиземнаго моря. Еще годомъ раньше кн. Куракина А. И. Чернышевъ доказывалъ Имп. Александру I необходимость войти въ соглашеніе съ Англіей, по вопросу о военныхъ издержкахъ на предстоявшую войну съ Наполеономъ. Британское правительство, по плану Чернышева, должно было принять на себя всѣ издержки, или, по крайней мѣрѣ, участіе въ нихъ на содержаніе иностранныхъ союзническихъ войскъ и особенно офицеровъ [1]).

[1]) Вѣроятно, имѣлся въ виду Балтійскій корпусъ, который предполагали двинуть въ Пруссію и занять Гамбургъ, Любекъ для отдѣльнаго дѣйствія съ тылу французской арміи.

Да и съ Даніей можно было имѣть дѣло только при посредствѣ Англіи.

Извѣстно, что датчане были очень недовольны занятіемъ французами Гольштейна, и потому не безъ сопротивленія встрѣтили бы вмѣстѣ съ нами французовъ; датскіе купцы были недовольны поведеніемъ Наполеона въ отношеніи ихъ судовъ, и потому перестали отправлять суда съ хлѣбомъ во Францію, боясь, что бы ихъ тамъ не конфисковали. Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе конфисковать суда, входившія въ французскіе порты, подъ предлогомъ, что бы они не попали въ руки англичанъ. Имѣя въ виду такое положеніе дѣлъ въ Даніи, Чернышевъ и совѣтывалъ Имп. Александру I привлечь на нашу сторону Данію въ войну съ Наполеономъ, но такимъ манеромъ, что бы Англія купила бы у Даніи ея корабли, а Данія на вырученныя отъ продажи кораблей деньги содержала бы армію въ 100 т. для войны съ Франціей.

Союзники наши оказывались безъ денегъ, отъ чего еще болѣе осязательно чувствовалась необходимость заключенія союза съ Англіей. Въ самомъ дѣлѣ, каково было состояніе нашихъ финансовъ въ это время, лучше всего можно это видѣть изъ отчета М. М. Сперанскаго о дѣлахъ 1810 года, представленнаго Имп. Александру I, 11 февраля 1811 года[1]). Предлагая свой новый планъ финансовъ, М. М. Сперанскій замѣчаетъ: «Что бы судить съ основательностью объ операціяхъ нашихъ въ финансахъ, должно взять въ уваженіе точку, съ которой мы пошли, время, которое на исправленіе употребили, и обстоятельства, въ коихъ цѣлая Европа находилась. 126 милліоновъ доходу, 225 милліоновъ расходу, 577 милліоновъ долгу. Ни малѣйшаго запаса, ни одного готоваго источника, самое несгройное управленіе казначейства, вотъ истинная точка, съ коей надлежало двинуться въ финансахъ». Союзъ съ Англіей, повторяемъ, былъ необходимъ. Въ Парижѣ понимали это и говорили, что Россіи можно только

[1]) Напечатанъ въ XXI т. Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества 1877 г. стр. 447—462.

расчитывать на Англію. Да и самъ Наполеонъ, отлично понимавшій значеніе для насъ союза съ Англіей, еще въ 1810 году жаловался Чернышеву на то, что Россія желаетъ сблизиться съ Англіей, оставляя въ сторонѣ политику Франціи.

Говоря съ Чернышевымъ о вексельномъ курсѣ нашемъ 1810 г., Наполеонъ настоятельно доказывалъ, что плохое его состояніе зависитъ не отъ войны его съ англичанами, а отъ дурнаго управленія у насъ финансами и большого количества выпущенныхъ ассигнацій, что для улучшенія его необходима продажа государственныхъ имуществъ и уменьшеніе ассигнацій.

Предложенныя Наполеономъ мѣры къ поднятію нашихъ финансовъ во многомъ тожественны съ планомъ М. М. Сперанскаго.

Но Наполеонъ, предлагая эти мѣры, имѣлъ въ виду отвлечь вниманіе Имп. Александра I отъ Англіи, заставивъ его заняться реформой управленія разстроенныхъ финансовъ внутри имперіи, т. е. заняться организаціей правильныхъ казначействъ, государственнаго банка, банковыхъ бумагъ и т. д.

Имп. Александръ, конечно, понималъ значеніе мѣръ, предложенныхъ Наполеономъ и М. М. Сперанскимъ къ поднятію нашихъ финансовъ. Но готовиться къ войнѣ съ противникомъ, къ войнѣ, которая требовала большихъ издержекъ, и въ то же время заниматься устройствомъ разстроенныхъ финансовъ — вещь далеко не легкая. Нужна была внѣшняя поддержка, каковой и явилась въ 1812 году Англія.

Между тѣмъ, пока шло время въ переговорахъ съ иностранными державами, пока хлопотали о средствахъ къ оборонѣ противъ сильнаго врага, Наполеонъ успѣлъ навести мосты на Нѣманѣ и разбить наши войска подъ Ковно. Имп. Александръ I находился въ это время въ Вильно и ратификовалъ Бухарестскій трактатъ. 13 іюня 1812 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ по арміямъ, въ которомъ говорилось, что Наполеонъ нападеніемъ на наши войска при Ковно первый открылъ войну. «И такъ, писалъ Имп. Александръ Павловичъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ приз-

вать на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго творца небесъ, поставивъ силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, Свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ».

Наполеонъ же, тѣмъ временемъ, успѣшно подвигался къ Смоленску, по дорогѣ къ которому маршалъ Даву выигралъ большое сраженіе, не далеко отъ г. Могилева, у деревни Салтановки, гдѣ и теперь глаза путешественника привлекаютъ громадныя могилы съ поросшими на нихъ вѣковыми дубами, свидѣтельствующими о большомъ, происходившемъ здѣсь, кровопролитномъ сраженіи.

Не смотря на геройскіе подвиги гр. Платова, Невѣровскаго подъ Полоцкомъ и Витебскомъ, Смоленскъ все таки остался за Наполеономъ, а стало быть и прямая дорога наступленія на Москву.

Съ этихъ поръ Имп. Александръ I и его полководцы были въ самомъ затруднительномъ положеніи: имъ приходилось теперь рѣшать не легкую задачу: «*Наполеонъ* и *Москва*». Долго томилось общественное мнѣніе въ предразрѣшеніи этой задачи. А между тѣмъ зарево Москвы освѣтило русскую землю. Русскій народъ явился на помощь своему Государю и Отечеству,

Когда, принесши безусловно
Всѣ жертвы на алтарь родной, —
Единодушно, поголовно
Народъ пошелъ на смертный бой [1]).

Русскій народъ помнилъ свое прошлое и *вѣрилъ* въ него; памятенъ ему былъ 1612 годъ, какъ и теперь 1812 годъ; пѣлъ онъ про Минина и Пожарскаго, какъ и теперь поетъ про Кутузова, Суворова и др. Это глубокое сознаніе своего пережитаго, горячая

[1]) Стихот. кн. П. А. Вяземскаго «Эпернѣ», стр. 207.

вѣра народа въ свое прошлое подняли народныя силы, спасшія Россію отъ сильнаго врага. Московскій пожаръ только подкрѣпилъ и усилилъ эту вѣру народа.

Вѣдь не даромъ Москва,
Спаленная пожаромъ,
Французамъ отдана —

говорилъ нашъ знаменитый пѣвецъ.

Московскій пожаръ убилъ армію Наполеона, поселилъ въ ней разладъ; единство пропало, неуваженіе къ военной дисциплинѣ сказывалось весьма явно: солдаты перестали уважать своихъ начальниковъ и отдавать имъ военную честь. Деморализація французской арміи была полнѣйшая. Идти впередъ Наполеону съ такой арміей было невозможно; Наполеонъ рѣшилъ отступать. Дорого обошлось Наполеону это отступленіе. Вся Европа отшатнулась отъ него; союзники его, шедшіе съ нимъ на Россію въ 1812 г., явились въ Парижѣ въ 1814 г. уже союзниками Имп. Александра I. 1814 годъ рѣшилъ, наконецъ, задачу, которой такъ долго томилось общественное мнѣніе. Имп. Французовъ въ своей столицѣ подписалъ трактатъ, столь постыдный для французовъ, трактатъ, убившій разъ навсегда династію Бонапартовъ въ глазахъ всей Европы, той самой Европы, которая, потерявъ свободу, такъ долго стояла на колѣнахъ предъ всесильнымъ Наполеономъ. Изъ Наполеона — Императора дѣлается обыкновенный генералъ, владѣтель остр. Эльбы, а не всемірной великой имперіи.

Французы припяли Имп. Александра I не какъ побѣдителя и завоевателя, а какъ своего избавителя, возстановителя попранныхъ Наполеономъ правъ свободы и человѣчности. Въ самомъ дѣлѣ, каково было настроеніе умовъ французскаго общества въ это время, лучше всего можно видѣть изъ депешъ Чернышева и Сухтелена. Они рисуютъ намъ бѣдственное положеніе Франціи, указываютъ на особенно печальное состояніе южныхъ департа-

ментовъ, гдѣ производились чрезмѣрные налоги, насильственныя конскрипціи, вслѣдствіе чего явились возмущенія; средства страны истощились — явился голодъ; неудачи французовъ въ Испаніи и Португаліи повергли умы французовъ въ отчаяніе; деспотизмъ императора и произволъ чиновниковъ, потерявшихъ всякое довѣріе, вызвали жалобы въ массѣ населенія. Наполеонъ, не смотря на все это, роздалъ государственнымъ сановникамъ и разнымъ дамамъ милліонъ франковъ. Дошло до того, что французы были недовольны Наполеономъ, а Наполеонъ французами.

«При такомъ положеніи дѣлъ, Государь, писалъ Чернышевъ Имп. Александру I, всѣ взоры обращаются на Россію, какъ на единственную державу, которая одна еще можетъ не только не подчиниться тому рабству, въ которомъ находится остальная Европа, но даже положить предѣлъ этому разрушительному потоку, для котораго нѣтъ ничего святаго и который не сдерживается никакими соображеніями» [1]).

Европа въ своихъ надеждахъ не ошиблась. Теперь она вздохнула свободнѣе предъ Имп. Александромъ I, возвратила себѣ попранныя Наполеономъ ея права и въ благодарность окрестила своего избавителя именемъ *Благословеннаго*.

Сбылось пророчество Бернадота: Имп. Александръ I устроилъ Наполену тоже самое, что Петръ Великій Карлу XII.

Заключимъ словами безсмертнаго пѣвца славянства:

«Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой,
И Богъ побѣды не отсрочитъ».

Даніилъ Ефимовъ.

12 декабря 1877 г.
С.-Петербургъ.

---

[1]) См. депеши Чернышева отъ $^{9}/_{21}$ апрѣля 1811 г., отъ 28 апрѣля (10 мая) 1811 г., декабря $^{6}/_{18}$ 1811 г., декабря 31 1811 г. (января 12 1812 г.), также депеша Сухтелена отъ 29 марта (10 апрѣля) 1812 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно читать.
3	6	торжестомъ	торжествомъ
—	11	Алексрндромъ	Александромъ
4	11	Напелеонъ	Наполеонъ
6	7	развившись	развевшись
14	29	возгласамъ	вопросамъ
16	8	Франціи	Франціей
19	30	операющіяся	опирающіяся
37	22	Наполену	Наполеону

2007059699